

Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 4. С. 28–36. ISSN 2073-1426

Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2023, vol. 29, № 4, pp. 28–36.

ISSN 2073-1426

Научная статья

УДК 159.9:316.6

EDN SPQXXV

<https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-4-28-36>

ДОВЕРИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВЕДЕНИИ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН

Ершов Владимир Николаевич, кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, yvn@ksu.edu.ru

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, Донбасский государственный университет юстиции, Россия, Донецк, VGruzdev@ksu.edu.ru

Аннотация. Статья направлена на формирование системного представления о доверии как объекте управления при ведении когнитивных войн. В основе исследования лежит гипотеза, что при росте сложности идентификации истинности информации на фоне экспоненциального роста её объёма, а также сложности информационных технологий наиболее адекватным механизмом противодействия может быть доверие субъектов информационного взаимодействия. Наличие такой гипотезы диктует необходимость рассмотрения феномена доверия как объекта управления, а также существующих и перспективных механизмов воздействия на доверие. В статье структурированы основные факторы, влияющие на формирование социального доверия, систематизировано представление о типах объектов воздействия при ведении гибридной войны. Исходя из анализа результатов исследований феномена доверия и факторов влияния на него, представлена структурная схема информационного управления доверием, где в качестве объекта управления показано социальное доверие, а в качестве регулирующих элементов выбраны информационные и культурологические аспекты формирования доверия. В статье также указаны группы целей, объектов и групп индикаторов негативного информационного воздействия на факторы доверия, предложены подходы к идентификации наличия такого воздействия. На примере показано, что современные информационные технологии являются действенным инструментом воздействия на уровень доверия между людьми за счёт интенсивного воздействия на когнитивную сферу человека.

Ключевые слова: когнитивные войны, человек, управление доверием, информационное воздействие, объекты воздействия.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZEW-2023-0003.

Для цитирования: Ершов В.Н., Груздев В.В. Доверие как ключевой объект управления при ведении когнитивных войн // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 4. С. 28–36. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-4-28-36>

Research Article

TRUST AS A KEY OBJECT OF CONTROL IN COGNITIVE WARS

Vladimir N. Ershov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Research Activities, Kostroma State University, Russia, Kostroma, yvn@ksu.edu.ru

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Department of Research Activities, Kostroma State University, Russia; Kostroma, Donbass State University of Justice, Russia, Donetsk, VGruzdev@ksu.edu.ru

Annotation. The article is aimed at developing a systematic understanding of trust as an object of management when waging cognitive wars. The study is based on the hypothesis that with the growing complexity of identifying the truth of information against the backdrop of exponential growth in its volume, as well as the complexity of information technology, the most adequate countermeasure may be the trust of subjects of information interaction. The presence of such a hypothesis dictates the need to consider the phenomenon of trust as an object of management, as well as existing and promising mechanisms of influence on trust. The article structures the main factors influencing the formation of social trust and systematizes the idea of the types of objects of influence when waging a hybrid war. Based on the analysis of the results of research into the phenomenon of trust and the factors influencing it, a structural diagram of information management of trust is presented,

where social trust is shown as the object of management, and informational and cultural aspects of the formation of trust are selected as regulating elements. The article also identifies groups of goals, objects and groups of indicators of negative information impact on trust factors, and proposes approaches to identifying the presence of such impact. The example shows that modern information technologies are an effective tool for influencing the level of trust between people, due to the intensive impact on the cognitive sphere of a person.

Keywords: cognitive warfare, person, trust management, information impact, objects of impact.

Acknowledgments. The study was carried out as part of the execution of the state task for the implementation of research on the topic “Socialization, identity and life strategies of young people in the conditions of the “new wars” FZEW-2023-0003.

For citation: Ershov V.N., Gruzdev V.V. Trust as a key control object when waging cognitive wars. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 28–36. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-4-28-36>

Введение: трансформация объекта воздействия. В последние десятилетия появилось большое количество новых методов и средств ведения войны, возросла интенсивность и вариативность способов воздействия на материальные и нематериальные объекты, в том числе информационные. Такое разнообразие привело к размыванию понятий типов возможных военных действий.

В настоящее время использование максимально доступного и разнообразного набора современных методов, средств и технологий для достижения поставленных целей можно рассматривать как способ ведения новых войн. Но это не меняет конечной цели любого противодействия: принудить некое общество сделать то, что нужно второй стороне конфликта, либо заставить её подчиниться новым условиям или правилам, либо уничтожить её.

Традиционными объектами воздействия являются инфраструктура и живая сила противника. Развитие технологий определяет и доступный масштаб воздействия: сначала – делая его массовым, потом, по мере развития, происходит локализация и переход к высокоточному воздействию на заданные элементы. Так было с живой силой противника и объектами инфраструктуры. При этом, как правило, сначала появлялась возможность осуществлять массовое поражение объектов (пик – оружие массового поражения всех видов), потом происходит переход к высокоточному воздействию на элементы инфраструктуры, без её массового уничтожения.

Подобный сценарий реализуется для любого типа объектов воздействия: как для инфраструктуры, так и для других элементов человеческой среды обитания – культуры и коммуникаций. Учитывая специфику двух последних, можно говорить об усилении информационного противодействия, направленного на их изменение. Развитие информационных технологий в XX веке перевело средства массовой информации в разряд оружия массового поражения, увеличив масштаб воздействия. Дальнейшее развитие технологий, в том числе искусственного интеллекта, позволило перейти к локализации элементов воздействия через сегментацию и кластеризацию аудиторий.

Соответственно, содержимое и методы преподнесения информации стали адаптироваться под сообщества и группы.

Изначально информационное противодействие носило отложенный характер фиксации событий и фактов под «нужным углом», когда в информационных источниках описывались «правильные» мотивы и представление о событиях, то есть формировался требуемый исторический фон. Развитие информационных и коммуникационных технологий увеличило скорость передачи информации, а противоборство перешло в формат пропаганды в режиме реального времени. Развитие киберпространства, особенно социальных медиа, технологий больших данных и искусственного интеллекта, обеспечило возможность адаптировать и подбирать информацию не только для сообществ, но и под конкретного индивидуума, кардинально меняя глубину и продуктивность информационного воздействия. Массовая автоматизация, информатизация, а потом и цифровизация обеспечили возможность влияния уже и на физический мир и человека, тем самым сформировав новый театр военных действий (ТВД) – кибернетический.

До настоящего момента было принято рассматривать пять сфер, где ведётся противостояние, – воздушную, наземную, морскую, космическую и кибернетическую. По сути это – среды обитания человека. По мере освоения человеком новых сред обитания возрастало число сфер, где возможно противостояние, поэтому все они становились ТВД, противостояния на которых направлено на разрушение или трансформацию инфраструктуры и среды обитания с целью воздействия на социум, а в конечном итоге – на отдельные личности в целях побуждения выполнения ими определённых действий.

Важным изменением в сути противостояния была трансформация парадигмы завоевания от разрушения и физического уничтожения к принуждению. В этом случае сначала использовались традиционные инструменты принуждения – страх и угрозы без физического уничтожения живой силы или инфраструктуры. Такой подход оказался экономически более целесообразен, а с появлением оружия массового уничтоже-

ния он стал ещё и единственно доступным. Технологии, позволяющие воздействовать на инфраструктуру, получили развитие и распространение. Как следствие, появились экономические, информационные аспекты ведения войны не только как средства её обеспечения, но и как инструменты воздействия и поражения. Иными словами, война приобрела гибридный формат.

При таком развитии интерес стала представлять сила и интенсивность оказываемого влияния с целью навязывать противнику желаемое поведение. Однако барьером такого механизма является то, что достижение требуемого состояния противника будет иметь ограниченный временной характер, если не подавлено желание сопротивляться или враг полностью не уничтожен. Гораздо проще подавить волю к победе, а ещё эффективнее сделать так, чтобы желание сопротивляться не возникало. Это возможно при наличии у противника убеждённости в том, что он действует по собственной воле. То есть объектом воздействия становится психика человека и её когнитивная составляющая (рис. 1).

Управление доверием как форма манипуляции. Методы и средства указанного воздействия базируются на методах и средствах информационной войны. В реальном времени мы наблюдаем применение элементов когнитивного воздействия, построенного на совершенствовании технологий и методик пропаганды, методов информационного психологического влияния, манипуляций сознанием масс и т. д., которые реализованы на базе новейших информационных технологий, усиливающих когнитивные искажения, кластеризацию и персонализацию информационных потоков, снижение уровня критического и системного мышления и т. д. Очевидно, что наиболее опасными будут изменения, связанные со значительным усилением этих возможностей при разработке и использовании «нейрооружия». Всё это не оставляет сомнения в том, что одним из ключевых объектов воздействия в ближайшем будущем станет человеческий разум. Вероятность такого развития событий увеличивает процесс перехода в приклад-

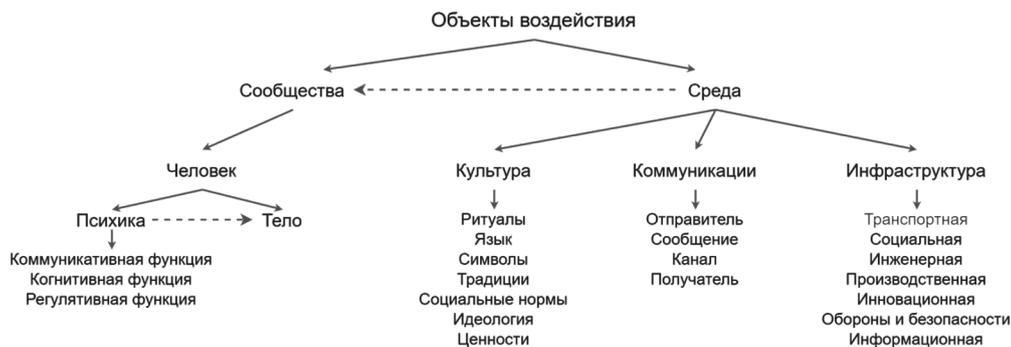
ные технологии научных достижений в области нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук (достаточно известный блок НБИК, NBIC). Можно констатировать фактическую неизбежность развертывания противодействия в ещё одной сфере – когнитивной. Важно понимать, что когнитивная область, как и кибернетическая, будут пронизывать все традиционные театры военных действий (ТВД), что существенно меняет тактику и стратегию военных операций. Рассматривая конфликты в координатах: «Объект воздействия», «Вид воздействия» и «Сфера ведения боевых действий», – мы получим сложную многофакторную систему противоборства, которую можно рассматривать как многокоординатное пространство ведения новых войн.

Рассмотрим точку зрения вероятного противника. Как отмечено в отчёте по проекту Warfighting 2040, характер боевых действий изменился. Уже достаточно длительное время большинство текущих конфликтов остаются вне фазы кинетического контакта. Это, в частности, обусловлено появлением новых форм ведения войны, таких как когнитивная война (Cognitive Warfare, CW) [Claverie, Du Cluzel: 2-3].

Наличие заинтересованности и выделение средств на исследования в области когнитивных войн военного командования НАТО (Allied Command Transformation, ACT) говорит о понимании роли и места такого противостояния в будущем.

Согласно отчёту 2020 года, когнитивная война имеет универсальный охват: от отдельных лиц до государств и международных организаций. Указано, что такой вид противостояния предлагает противникам НАТО средство обхода традиционного поля боя со значительными стратегическими результатами, которые могут быть использованы для радикального преобразования западных обществ [Du Cluzel: 8].

Когнитивная война – это наиболее продвинутая на сегодняшний день форма манипуляции, позволяющая влиять на поведение отдельного лица или группы лиц с целью получения тактического или стратегического преимущества [Cognition Workshop: 3].

Рис. 1. Иерархия объектов воздействия (пунктиром обозначены функциональные связи, позволяющие оказывать опосредованное воздействие)

В долгосрочной перспективе когнитивная война нацелена на снижение человеческого потенциала нации. Но в нашем случае мы будем опираться на более частное определение когнитивной войны как идеологии, направленной на подрыв доверия за счёт заданного целевого изменения поведения человека [Du Cluzel: 7]. Заданным поведением в таком понимании будет снижение доверия, а воздействие будет направлено на механизмы формирования доверия. Таким образом, подрыв доверия может становиться механизмом разрушения практически любого социального объединения за счёт разрушения действующего общественного договора. При этом достигается устойчивый долгосрочный эффект сохранения состояния недоверия, что избавляет от скрытых форм сопротивления и необходимости последующего физического контроля территорий, инфраструктуры и т. п. То есть через управление доверием можно реализовать методы слома государства через общественный контур, навязывая внешнюю управляющую силу. Экономический эффект данного подхода наиболее рационален и поэтому наиболее вероятен.

В современном мире достижение такого состояния определяется доступностью и применением целого ряда технологий, находящихся на разных уровнях развития: от известных (например, пропаганда) до достаточно новых – того, что сейчас называют «фейковой» реальностью. Она неотличима от факта, имевшего место быть, она подтверждается базовыми органами восприятия: реалистичным видеоконтентом; наличием в информационном поле подтверждающих артефактов и свидетелей; присутствие «информационной волны», блокирующей критическое восприятие и т. д. То есть речь идёт о применении достаточно развитого арсенала информационного оружия, в том числе реализующего методы социальной инженерии. До настоящего времени именно методы социальной инженерии являлись первичными, а информационное оружие только давало возможность их эффективной реализации: с наименьшими затратами и с наилучшим результатом.

В настоящее время ситуация коренным образом меняется. В первую очередь это связано с развитием систем искусственного интеллекта (пример ChatGPT), появлением действующих механизмов использования «нейрооружия» (возможности управления сознанием на основе изменения гормонального фона, нарушения адекватности восприятия и т. д.), а также практической реализацией технологий конструирования эмоций. Таким образом, наибольшую опасность в будущем будет представлять комбинация использования информационного оружия и «нейрооружия», что резко усиливает эффект и продолжительность воздействия. В этом случае когнитивная война перейдёт на иной уровень.

Определение социальной инженерии можно свести к простому варианту – это искусство и наука заставлять людей подчиняться вашим желаниям [People Hacking: 1-5]. Данного определения вполне достаточно, чтобы понимать важность внешней и внутренней среды объекта воздействия.

Сложно не согласиться с И. Шнуренко в том, что «информация о человеческих секретах и тайнах собиралась всегда, и человеческие эмоции с незапамятных времён использовались для манипуляции. Но все же в прежние времена это было скорее искусством, а не наукой... Сейчас же речь идёт о приложении всей компьютерной мощи, накопленной человечеством, всей собранной базы данных и знаний к постоянному измерению на микроуровне и анализу чувств, характера, мотиваций каждого человека в режиме реального времени. Эти измерения и анализ тут же применяются для заданного изменения поведения человека» (выделено нами. – В. Е., В. Г.) [Шнуренко: 75–76].

Точки воздействия и возможности социального управления. Попробуем выявить потенциальные точки воздействия и по возможности систематизировать арсенал применяемых методов. Такое понимание поможет не только определить суть проблемы, но и устанавливать степень готовности к противодействию или ведению подобного рода войн.

Говоря о социальном воздействии на личность или группу, будем опираться на понимание, что это инструмент, основанный на обмене знаниями, опытом и необходимой информацией с целью изменения их мотивации, норм, идеологии, ценностных установок и в конечном итоге – мировоззрения. То есть речь идёт исключительно об информационном обмене, который, однако, не ограничивается активным обменом информацией. В таком случае ключевым фактором, определяющим глубину и силу воздействия, при прочих равных условиях (качество информации, развитость критического мышления и т. п.) является доверие к источнику информации как практически единственному средству защиты в мире постправды (или постистины). В современном мире объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личной вере [Фуллер].

В качестве подхода для анализа целесообразно использовать сетцентрический метод, который активно применяется при планировании гибридных операций. Предположим, что в государстве существует система управления доверием (уровнем доверия) к социальным структурам. При этом мы исходим из тезиса о том, что доверие рассматривается как один из ключевых элементов экономического благосостояния. Для удобства восприятия и анализа представим её в привычном для теории управления формате структурной схемы (рис. 2).

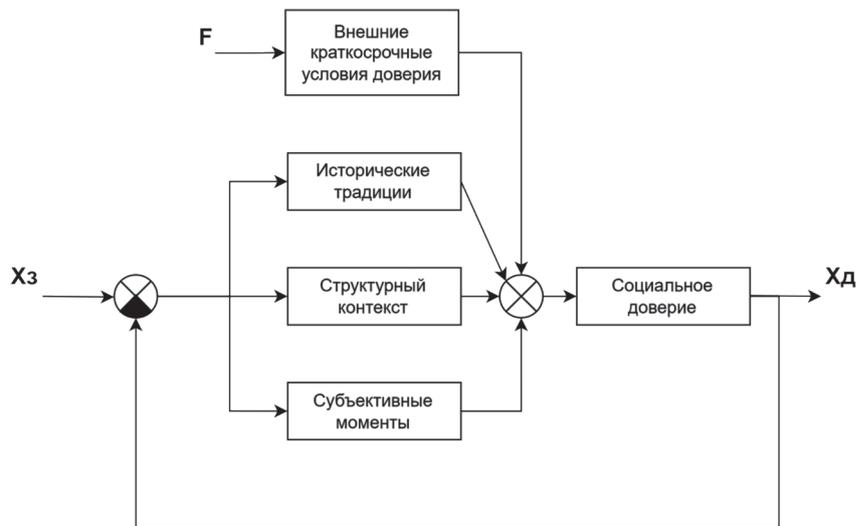

Рис. 2. Система управления доверием

В качестве объекта управления будем рассматривать уровень социального доверия. Доверие личности зависит от сформированной культуры доверия, а также целого ряда личностных характеристик (органа доверия), которые, однако, отнесем к элементам слабого возмущающего воздействия. Значимое возмущающее воздействие оказывают краткосрочные факторы доверия [Антоненко].

Важно также учитывать, что данные факторы могут не только снижать, но и повышать доверие.

В качестве регулятора, то есть того, что способно влиять на доверие и формировать его, рассмотрим факторы из генеалогии доверия П. Штомпка [Штомпка: 336]. Для упрощения представления будем оперировать не отдельными факторами, а уровнями. Учитывая динамику изменения факторов влияния каждого уровня, такой регулятор аналогичен пропорционально-интегрально-дифференцирующему регулятору (ПИД-регулятору). Из теории автоматического управления известно, что тип регулятора определяется отличием вида реакции на входное воздействие. Так историческая традиция является аналогом дифференциальной составляющей, способной реагировать на скорость изменения входного воздействия, то есть предсказывать отклонение в будущем и тем самым стабилизировать систему. Структурный контекст – это интегральная составляющая, обеспечивающая инерциальную устойчивость, нулевую статическую ошибку, но худшую динамику. Субъективные моменты – это пропорциональная составляющая, обеспечивающая достаточно быструю реакцию, пропорциональную изменению на входе, но способную «раскачать» систему в случае избыточного регулирования. Обратная связь показывает наличие системы мониторинга уровня доверия. Если уровень доверия соответствует заданному, то система сохраняет свои настройки. Настройки регулятора

определяются содержанием информационного фона, формируемого пропагандой. Интенсивность информационного фона зависит от разницы в желаемом уровне и тем, что показывают измерения.

Очевидно, что при возникновении ситуации противодействия управляющему воздействию будут подвергаться все элементы системы. Наиболее рациональным будет влияние на элементы регулирования, так как в этом случае достигается прогнозируемый мультипликативный эффект, что в полной мере соответствует концепции «операций, базирующихся на достижении эффектов» (ОБДЭ, Effects-based operations). Учитывая структуру указанных элементов, единственным доступным видом воздействия будет информационное воздействие, а, следовательно, сферой противоборства – киберпространство.

Так как за основу взята генеалогия культуры доверия, необходимо систематизировать представленные уровни по группам факторов и проанализировать возможность воздействия на них, а также возможные объекты воздействия (табл. 1, 2).

В дальнейшем, если составить перечень психолингвистических маркеров для каждого механизма, то возможно создание системы мониторинга воздействия на ту или иную группу факторов доверия. Понимая, что целевые аудитории используют различные социальные сети и медиапространства для получения информации, можно сегментировать систему мониторинга по целевой аудитории. Так, если для молодежи актуальным каналом получения информации и повседневного общения является социальная сеть «ВКонтакте», для практической реализации может быть использовано любое программное обеспечение мониторинга социальных сетей, например «СеусЛаб».

Если рассматривать вероятный алгоритм воздействия, то, на наш взгляд, будет использован алгоритм, построенный на базовой схеме воздействия

Таблица 1

Факторы доверия и механизмы влияния на них

№ п/п	Наименование группы факторов	Объект воздействия	Цель воздействия, задачи	Механизм
1	2	3	4	5
1	Исторический фон	Информация об исторических событиях и их интерпретация	Формирование картины прошлого на основе недоверия, пессимизма, подозрительности	Искажение исторических фактов, «однобокая» интерпретация, замалчивание и оспаривание прошлых побед и т. п.
2	Нормативная целостность	Система социальных правил	Формирование нормативной анонии в государственных и общественных институтах	Разрушение представления о системе (государственной, общественной) как о целом, прозрачном и легитимном явлении, гарантирующем справедливость, социальную безопасность, защиту граждан, права человека и т. п. Искажение восприятия правил, определяемых законодательством, моралью, обычаями, как не гарантирующих справедливость, социальную безопасность, защиту граждан, права человека и т. п.
3	Стабильность общественного порядка	Социальная организация, структура институтов, цивилизационная и техническая среда повседневной жизни	Интерпретация управляющих воздействий как необоснованного резкого изменения, без чёткого направления и понятного смысла	Горизонтальные и вертикальные информационные барьеры. Размытие целевой картины действий. Формирование устойчивого представления о дрейфе целей, их перенос в разные системы координат. Усиление поляризации общества.
4	Прозрачность общественных организаций	Общественные организации, экономические структуры	Формирование образа общественных институтов как закрытых и неконтролируемых	Блокирование и/или искажение информации о процессах развития, смыслах существования, основах действий. Недоступность и/или сложность информации о компетенциях и достигаемых результатах. Ограничение контроля. Интерпретация действий и намерений существующих институтов с акцентом на их неэффективность и непрозрачность.
5	«Освоение» в общественной среде	Независимые институты, к которым можно апеллировать в деле защиты прав	Формирование состояния бессилия, бесправности граждан и насилия со стороны власти	Демонстрация отсутствия ограничения компетенции, процедурных рамок, надзора и контроля над чиновниками, ограниченность инстанций защиты и возможности апелляции
6	Ответственность лиц и институтов	Государственная система	Формирование восприятия государственной системы как системы, построенной на произволе и недостаточной ответственности	Создание образа власти как волонтаристской, допускающей произвол, неконтролируемой, непредсказуемой. Фокусировка на действиях, показывающих необъективность, коррумпированность, подкупность

Таблица 2

Субъективные факторы

№ п/п	Наименование группы факторов	Объект воздействия	Цель воздействия, задачи	Описательные (качественные) деструктивные индикаторы информационного воздействия
1	2	3	4	5
1	Общественные настроения	Социальная ориентация на развитие заданных личных качеств индивида	Подавить амбиции, активность, оптимизм, ориентацию на будущее, успешность действий	Заниженные духовные потребности и претензии, пассивность, пессимизм, привязанность к прошлому, стремление оставить всё как есть
2	Резервы социального капитала	Социальный капитал индивида	Сформировать систему обесценивая личного культурного и социального капитала	Безграмотность, низкий уровень образования, снижение доходов, снижение интенсивности коммуникаций, контактов и знакомств («связи»), разрушение семейной поддержки, плохое состояние здоровья, низкая духовность

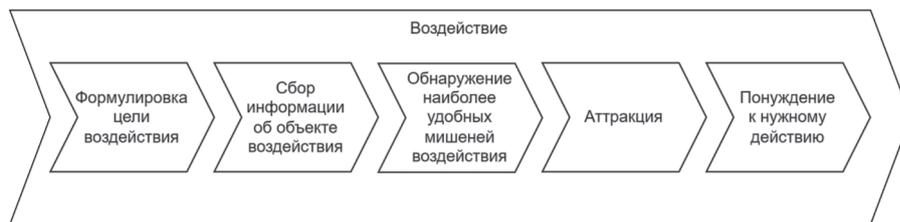

Рис. 3. Типовая схема воздействия

Таблица 3

Содержание этапов социального воздействия в разрезе новых подходов

№ п/п	Наименование этапа	Конечная цель	Механизмы реализации	Возможные технологии и сервисы
1	2	3	4	5
1	Сбор информации об объекте воздействия	Сформировать цифровую модель поведения, создать цифрового двойника	Сбор информации о поведении индивидуумов в социальных сетях, поведенческих паттернах, потребительских предпочтениях и т. п. с последующей кластеризацией и обобщением	Большие данные, системы искусственного интеллекта, социальные медиа, торговые площадки
2	Обнаружение наиболее удобных мишеней воздействия	Выявление целевых аудиторий, доверенных информационных источников и сообществ	Моделирование поведения социальных групп	Системы искусственного интеллекта, социальные сети
3	Аттракция	Сформировать максимально благоприятные условия для воздействия, повышение уровня доверия	Увеличение доверия, снижение дистанции, эмоциональное манипулирование	Дип-фейки, чат-боты
4	Понууждение к нужному действию	Обеспечить максимально точное исполнение необходимых действий	Методы традиционного социального воздействия	Психологическое влияние, дип-фейки, хейтинг

в социальной инженерии – схеме Шейнова [Кузнецов: 13] (рис. 3).

Для каждой из группы факторов доверия возможные цели воздействия нами обозначены в таблицах 1, 2 в соответствующем столбце. Сбор информации о сообществах и отдельных личностях ведётся постоянно в сети Internet. Именно там оптимизация достигается посредством наличия цифровых моделей и (или) цифровых двойников социальных групп. Их наличие позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать реакцию сообществ посредством использования искусственного интеллекта (ИИ) [Argyle, Busby, Fulda, Gubler, Rytting, Wingate].

Далее на основании полученной информации формируется соответствующее информационное поле, которое за счёт адаптированного содержания создаёт внешние краткосрочные факторы доверия, тем самым усиливая эффект последующей информационной атаки. На последнем этапе происходит трансляция информации, которая обеспечивает последующее изменение восприятия соответствующего фактора доверия (табл. 3).

Для более полного понимания проведём пример возможного социального воздействия. Так, в качестве фактора возьмём исторический фон как базовый элемент культуры доверия. Объектом воздействия в этом

случае будет информация об исторических событиях и/или их интерпретация. В таблице 1 в столбце 4 «Цель воздействия, задачи» обобщённо сформулирована цель – «Формирование картины прошлого на основе недоверия, пессимизма, подозрительности». Уточним её, учитывая ранее обговорённый принцип достижения максимального эффекта. Для этого в качестве «центра тяжести» зафиксируем восприятие событий Великой Отечественной войны.

Предположим, что в контексте общей цели по снижению социального доверия требуется решить задачу по формированию представления о данном периоде истории нашей страны как времени тотальных репрессий, необдуманных решений и массовой гибели людей, в том числе из-за некомпетентности руководителей на всех уровнях. В качестве целевой группы обозначена молодёжь 18–24 лет. Основной источник информации для данной группы – социальные сети и интернет-издания [Бердникова: 142–143].

В качестве базовой медиасреды выбираются социальные сети, так как это наиболее удобное поле для дистанционного дезинформирования и манипулирования. Далее формируется информационное поле из фрагментированных и искажённых данных, максимально насыщенных недостоверными фактами: чьими-то воспоминаниями, абстрактными мнениями

неопределённых экспертных групп, сконструированными фото- и видеоматериалами и т. п. После этого работает схема изменения тональности информационного поля, например в формате необходимости осмысления исторических событий по вновь открывшимся обстоятельствам и принуждение к фиксации негативной эмоциональной составляющей в значимых информационных источниках. Если данный эффект закрепить на нужном уровне валентности и возбуждения, мы получаем необходимое когнитивное воздействие [Барретт]. В указанном примере, учитывая группу факторов и её характер, речь идёт о влиянии и воздействии на национальное самосознание и эффекте снижения базового элемента социального доверия в российском обществе на несколько поколений вперёд. Для достижения устойчивого эффекта необходимо учитывать наличие ещё одной координаты – сферы или уровня закрепления нормы восприятия, обеспечив переход из области информационного поля в нормативное, а потом в культурное и ценностное.

Заключение. Вышесказанное позволяет констатировать, что фактор доверия может быть использован и как средство противодействия, и выступать как часть объекта воздействия. Для нашего общества опасность состоит в том, что такой подход является удобным инструментом воздействия на формирование нашей социальной реальности. А это уже значимый фактор ведения когнитивной войны. Мы, формируя нашу собственную социальную реальность, можем быть удовлетворены ею только в том случае, если значимые для нас социальные институты или сообщества создают нечто похожее. То есть это должны делать те, кому мы доверяем.

Проблема когнитивных манипуляций в пространстве социальной реальности и аффективного реализма, в том числе в целях формирования доверия, является темой, требующей постоянного и всестороннего изучения в контексте проблематики новых войн, поскольку поднятые нами на уровне теоретического осмысления вопросы уже в ближайшем будущем перейдут в разряд прикладных технологий.

И повторим истину, основанную на опыте: «Praemonitus, praemunitus».

Список литературы

- Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. Москва: Флинта: Наука, 2006. 480 с.
- Барретт Л.Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 427 с.
- Бердникова А.Ю. Телевидение и Интернет как основные источники информирования россиян // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 142–143.
- Кузнецов М.В. Социальная инженерия и социальные хакеры: учеб. пособие / М.В. Кузнецов,

И.В. Симдянов. Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2017. 368 с.

Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

Шнуренко И. Человек взломанный. Москва: Наше завтра, 2021. 456 с.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. С.М. Червонной. Москва: Логос, 2005. 664 с.

Claverie B., Du Cluzel F. “Cognitive Warfare”: the advent of the concept of “cognitics” in the field of warfare. Cognitive Warfare. First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare (France). Symposium organized by the Innovation Hub of NATO-ACT and ENSC, with the support of the French Armed Forces Deputy Chief of Defence, the NATO Science and Technology Organization. Collaboration Support Office, and the Region Nouvelle Aquitaine, 21 June 2021, scientific ed. by B. Claverie, B. Prébot, N. Buchler and F. Du Cluzel. Bordeaux, 2022, 119 p.

Cognition Workshop. Innovative Solutions to Improve Cognition, June 1-3, 2021, 37 p.

Du Cluzel F. Cognitive Warfare. June–November, 2020, 45 p.

Lisa P. Argyle, Ethan C. Busby, Nancy Fulda, Joshua Gubler, Christopher Rytting, David Wingate. Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples. URL: <https://arxiv.org/pdf/2209.06899.pdf> (access date: 01.06.2023).

People Hacking: The Psychology of Social Engineering. Text of Harl's Talk at Access All Areas III, 05.07.97, 5 p.

References

- Antonenko I.V. *Social'no-psihologicheskaja koncepcija doverija* [Socio-psychological concept of trust]. Moscow, Flint Publ., Science Publ., 2006, 480 p. (In Russ.)
- Barrett L.F. *Kak rozhdayutsja jemocii. Revoljucija v ponimanii mozga i upravlenii jemocijami* [How emotions are born. A revolution in understanding the brain and managing emotions], trans. from Eng. by Evgenija Ponikarova. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2018, 427 p. (In Russ.)
- Berdnikova A.Yu. *Televidenie i Internet kak osnovnye istochniki informirovanija rossijan* [Television and the Internet as the main sources of informing Russians]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2019, vol. 4 (242), pp. 142-143. (In Russ.)
- Fuller S. *Postpravda. Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-truth: Knowledge as a struggle for power], trans. from Eng. by D. Kralechkina; ed. by A. Sмирнова; National research University “Higher School of

Economics". Moscow, House of the Higher School of Economics Publ., 2021, 368 p. (In Russ.)

Kuznetsov M.V. *Social'naja inzhenerija i social'nye hakery: ucheb. posobie* [Social engineering and social hackers: textbook. manual], M.V. Kuznetsov, I.V. Simdyanov. St. Petersburg, BHV-Petersburg Publ., 2017, 368 p. (In Russ.)

Shnurenko I. *Chelovek vzlomannyj* [A hacked man]. Moscow, Our Tomorrow Publ., 2021, 456 p. (In Russ.).

Sztompka P. *Sociologija. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society], trans. by S.M. Chervonnaya. Moscow, Logos Publ., 2005, 664 p. (In Russ.).

Claverie B., Du Cluzel F. "Cognitive Warfare": the advent of the concept of "cognitics" in the field of warfare. Cognitive Warfare. First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare (France). Symposium organized by the Innovation Hub of NATO-ACT and ENSC, with the support of the French Armed Forces Deputy Chief of Defence, the NATO Science and Technology Organization. Collaboration Support Office, and the Region Nou-

velle Aquitaine, 21 June 2021, scientific ed. by B. Claverie, B. Prébot, N. Buchler and F. Du Cluzel. Bordeaux, 2022, 119 p.

Cognition Workshop. Innovative Solutions to Improve Cognition, June 1-3, 2021, 37 p.

Du Cluzel F. Cognitive Warfare. June-November, 2020, 45 p.

Lisa P. Argyle, Ethan C. Busby, Nancy Fulda, Joshua Gubler, Christopher Rytting, David Wingate. Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples. <https://arxiv.org/pdf/2209.06899.pdf> (access date: 01.06.2023).

People Hacking: The Psychology of Social Engineering. Text of Harl's Talk at Access All Areas III, 05.07.97, 5 p.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 16.11.2023.

The article was submitted 28.10.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 16.11.2023.